

A stylized, monochromatic illustration of a forest scene. On the left, a large, gnarled tree trunk rises from the bottom, with its branches and leaves extending towards the top. On the right, another tree trunk is visible, also with branches and leaves. A winding, light-colored path or stream flows from the bottom left towards the center, curving around the base of the trees. The background is filled with soft, dappled light and shadows, suggesting a dense canopy of leaves.

МАРИНА
СУРЖЕВСКАЯ

Тропами Вереска

2023

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос-Рус)6
С90

Суржевская М.

С90 Тропами вереска / М. Суржевская. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2023. — 274 с.

ISBN 978-5-517-09849-8

За гнилыми болотами, в самой чаще леса живет ведьма. Лицо ее — морда звериная, голос — воронье карканье. Тело — хвостатое да рогатое. Рыщет ведьма по лесам и болотам, жертву невинную ищет, чтобы впиться ей в глотку клыками, разодрать да крови напиться. А потом сплясать на останках с диким гиканьем да ухахатыванием! Вот такие сказки рассказывают в наших краях. Страшные. И что делать, если сказки не врут? И если каждая из них — обо мне.

BIC FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-517-09849-8

© Марина Суржевская, текст, 2023
© Adacta Aries, Ольга Кандела,
обложка, 2023
© Adacta Aries, форзац и нахзац, 2023
© RUGRAM, 2023
© Т8 Издательские технологии, 2023

*По лесам-оврагам тропами вереска.
Гиблыми местами, в казённых приисках.
Я бродил, бережил ой да душу грешну,
Самородками жёг,
Янтарём тешил...*

Группа «Разнотравие»

ЧАСТЬ 1

Ведьма
северного леса

День выдался погожим, ясным. Солнышко светило по-летнему, хоть и осень уже мазнула лес золотом, разрумьянила да обагрила алым. Так что я даже кожух не взяла, только платок накинула, и то больше, чтобы ягод в него собрать, чем для тепла.

Саяна вилась рядом, каркала почем зря. Вот думаю, может, она, зараза, беду и накликала. Разозлюсь как-нибудь да сварю чертовку на обед, хоть и без толку. Ворона старая, ощиплешь — одни кости да кожа пергаментная. Крыло сломано, летать почти не умеет, вот и сидит на моей голове, как на болотной кочке.

Звери не лютовали, отъелись за летние месяцы. К утру лишь пара подранков появилась, но их волки утащили, одни следы и остались. И то лишь мне видные. Я дошла до опушки, туда, где стояла, склонившись, моя березка, убрала ветви любовно. Листочки на ней уже зазолотились, стали похожими на монеты. Я улыбалась, прислушиваясь к току ее соков, к тихому говору, а ведь скоро заснет зимним сном, так и поговорить не с кем будет.

Саяна недовольно каркнула, напоминая о себе.

— С тобой-то какие разговоры? — оборвала я воронье негодование. — Тебе лишь бы пададь посочнее!

Ворона зыркнула желтым глазом, каркнула. Негодует, значит. Обидчивая она к старости стала, ранимая. Тяжело свали-

лась с моей головы и поскакала неловко, гневно щелкая клювом. Я хмыкнула.

Снова вернулась к березе, провела рукой между веточек. Сухих больше стало, и на них уже наплел паутину мохнатый паук. Я прогонять не стала, дом ведь его... Пусть от сухих ветвей хоть польза будет.

Постояла, вздыхая и разглядывая небесную синь, яркую, какая лишь по осени бывает. И гуси уже в теплые края потянулись, значит, и деньки погожие скоро пройдут. Как ни хорохорится лето, а придется ему потесниться, подвинуться. И снова ждать своего срока...

Я зацепила взглядом гуся, летящего с краю косяка. Тяжело летит, натужно. Не видать ему теплых стран, сил не хватит... Вскинула арбалет в один миг, спустила болт. Тяжелая тушка упала в овражек, а я усмехнулась. Знать, поживет еще Саяна — гуся на обед сварю.

Варево уже закипало, когда я насторожилась. Да и Тенька зашевелилась, вскинула остроухую морду, зашипела. Я сняла пенку, отставила котелок, задумалась.

— Тише, — успокоила я хлессу, — не шипи. Гость у нас, — постояла, прислушиваясь и раздумывая, пускать или нет. Можно и занавесить домик, укрыть деревьями, спрятать лесной тенью. Уже сейчас я знала, кто идет ко мне. Служитель пожаловал... Идет по лесной тропке уверенно, хоть и держит в руках все свои знаки охранные. И молитву бормочет. Глупый. К ведьме в логово — и с молитвой.

Но, видимо, синь небесная и лес румяный разнежили меня, или просто соскучилась я в своей норе, но решила: пусть

проходит. Посмотрим, что за человек и с чем пожаловал. А то скоро и речь людскую позабуду, так привыкла со зверьем и деревьями общаться.

Гость явился через полчаса. Застыл у порога и снова свои присказки забормотал. Я его не видела, но чуяла. Мужчина. Молодой, не старше меня будет. Пахнет приятно — здоровый, значит, даже зубы все целые, что нынче редкость.

— Ну, входи, чего мнешься, — сказала я, помешивая бульон. Гость, услышав мой голос, замер, видать, думал незаметно подкрасться. А потом распахнул дверь и вошел. И снова застыл, моргая, пытаясь что-то разглядеть в полутьме сторожки после яркого света. А рассмотрев, попятился, руку вскинул, чтобы лоб священным солнцем осенить, да передумал, так и застыл.

— Вот это правильно, — усмехнулась я. — Со своими молитвами в чужую-то обитель... Чего пожаловал, служитель? Неужто повязать ведьму решил? Один?

Я расхохоталась, а он снова чуть вздрогнул. Но не отвернулся: зубы сжал, глаза прищурил, рассматривает. Я тоже рассматривала, не стесняясь. Хорош. Очень даже. Девки, небось, в его обитель толпой прут, на красавца такого посмотреть. Высокий, плечи еле в дверь мою вошли, волосы белые, собраны в низкий хвост. А глаза с синью небес спорят. Одет в черные штаны и рубаху с белым воротничком, сверху — плащ-сутана. Сапоги в пыли, все носы сбиты, видать, издалека идет. И оружие на боку. Рукоять затертая, и сталь кровью не раз напитанная, не игрушка... А вот это уже интересно: служитель, да с клинком.

И силы много. Не той, что в руках, хотя и этим Шайтас не обидел, а той, что внутри живет. Да что говорить, вон как мои тропки распутал, замороженные и заговоренные. Зверь обхо-

дит, а тут человек прошел. Такой и повязать может... Только вижу, не за тем пришел.

— Звать как? — прохрипела я.

— Ильмир, — чуть запнувшись, выдавил он.

Я хмыкнула. Надо же, не соврал слугитель. Не побоялся, что, зная имя, наложу на него чары, заколдую... Хотя что мне имя его, если я душу вижу? И черноты в ней столько, что сама преисподняя позавидует.

— Так чего тебе, Ильмир, слугитель божий, в логове ведьмы понадобилось?

Он губы сжал в одну линию, нахмурился. А потом выдал:

— Проводи меня в Омут Шайтаса, ведьма.

Я от такого даже онемела, что со мной сроду не случалось. А потом захрипела, так что Саяна закаркала и на голову мне села, свесив клюв и кося на незнакомца одним глазом. Испугалась, бедная. Слугитель от такой картины напрягся, руку в кулак сжал, скользнул пальцами по рукояти клинка. Но тут же убрал. Молодец. Не дурак.

— И что же тебе в Омуте делать, слугитель? — отсмеявшись и утерев с лица кровавые слезы, что из глаз выступили, спросила я. — Там твоего бога нет.

— Своего бога я знаю, где искать, — глухо проговорил он. — Только он мне не помощник. А что я в Омуте делать буду, не твое дело, ведьма. Твое — проводить. Дорогу указать. Все вы, темные отродья, путь туда знаете. Без тебя мне Омут не найти.

Мне смеяться перехотелось. Теперь я жаждала этого прихвостня светлого бога на кусочки разрезать да в овражке закопать. Чтобы лютики по весне желтые взошли, да поярче.

— А зачем же мне делать это, слугитель? — с насмешкой спросила я и махнула рукой, подзывая Теньку. Хлесса подо-

